

Иванов В. И.
Монастыри и монастырские крестьяне Поморья
в XVI–XVII веках*

Изучение Русского Севера имеет давнюю традицию и представлено фундаментальными работами М. М. Богословского, И. В. Власовой, З. В. Дмитриевой, П. А. Колесникова, А. И. Копанева, Л. С. Прокофьевой, Н. В. Устюгова, А. Л. Шапиро, Е. Н. Швейковской (Баклановой) и многих других исследователей, рядом коллективных трудов. Тем не менее многие проблемы истории региона в эпоху феодализма остаются недостаточно освещенными.

Новая книга В. И. Иванова¹ посвящена комплексному изучению аграрного строя монастырской деревни Поморья в XVI–XVII вв., в исследовании рассмотрены Двинский, Каргопольский и Кольский уезды и Заонежские погосты (с 1649 г. Олонецкий уезд). Книга начинается с обстоятельных историографического (глава 1) и источниковедческого (глава 2) обзоров. Обе главы и содержательно, и по объему имеют самостоятельное научное значение. Хорошее знание историографии, широкое привлечение краеведческой, этнографической, историко-экономической и справочной литературы по Северу и в целом по России, использование статистических сведений, относящихся к XVIII–XX вв., свидетельствуют о научной добросовестности, объективности и исследовательской зрелости автора. В рецензируемой монографии учтены более 1500 источников и около 300 исследований.

В 3-й главе Иванов описывает монастыри и их владения в указанных поморских уездах, 4-я глава посвящена анализу изменения численности монастырских крестьян. Автор использует общерусские законодательные памятники, поземельные акты из архивов Соловецкого, Антониева Сийского, Крестного Онежского, Александро-Ошевенского, Богородице-Рождественского Кандалакшского, Александро-Свирского и других монастырей, вкладные и приходо-расходные книги, государственные писцовые и переписные книги, внутривотчинные описания (верёвные, обежные и прочие книги) и,

* *Иванов В. И.* Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII веках. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. 608 с., табл.

что особенно важно, общинные, мирские документы (оценные и окладные книги, разрубные списки). Особенно следует отметить подробно изученный автором фонд Шуерецкой волостной избы (отпускные, проторные, сносные, окладные книги). Текст наиболее раннего документа — окладной книги за 1663/64 г. — опубликован в Приложении 1. Многие источники впервые вводятся в научный оборот.

Автор сопоставляет информацию разных по происхождению актов (государственных, внутривотчинных, общинных); проверяя выкладки писцов и переписчиков, он пересчитывает информацию кадастровых памятников, оговаривая полученные результаты и в тексте, и в подробных таблицах. На с. 367–369 и 376–377 проведено убедительное сравнение показателей крестьянского землепользования в жалованной грамоте царя Алексея Михайловича Крестному Онежскому монастырю 1657 г. (они, в свою очередь, взяты из писцовой книги 1621/22 г.) с внутривотчинным описанием 1682 г. в связи с припиской Крестного монастыря к Новоиерусалимскому Воскресенскому монастырю. Сравнение показало, что Крестный монастырь в Нокольской волости признавал крестьянские права на землю в пределах вытного тягла, вновь освоенные участки («припаши») монастырские власти перераспределяли по своему усмотрению. Это сглаживало растущую дифференциацию размеров крестьянского землепользования и позволяло владельцу увеличивать ренту при сохранении поземельных норм государственной эксплуатации своего населения.

Иванов показал пути превращения крестьянской земельной собственности в держания зависимых от монастыря производителей (с. 342–343, 356, 377). Интересны наблюдения над неустойчивостью форм земельных актов: данные/купчие, купчие/порядные, полуменовные/полукупчие и т. д. В обзоре источников мне кажется наиболее удачным не автономное рассмотрение внутривотчинной и писцово-переписной документации, но совокупный анализ и актовых источников, и кадастровых материалов. И хотя поземельные акты в главе 2 не выделены в качестве раздела, в последующем изложении они широко привлекаются (с. 155–156, 170–171, 511 и др.), а анализ бытования понятия «монастырская вотчина» в законодательных и поземельных актах 2-й половины XVI в. (с. 97–107) в главе 3 весьма уместен. В монографии широко применяются количественные методы анализа — методы корреляции, детерминации и пошаговой регрессии (см., например, таблицы 46, 55, 64). Подчеркну, что до сих пор в литературе обращалось внимание главным образом на такие показатели дифференциации сельского населения в XVII в., как обеспеченность земель, рабочими руками, колебания вытного тягла. Подход Иванова ближе к многомерному факторному анализу, применявшемуся в исследованиях по аграрной истории XIX — начала XX в.² и сохранившему свою актуальность в настоящее время. Трудности в применении этого метода возникают из-за скудости источников, но это не умаляет важности применяемого исследователем моделирования и реконструкции всех сторон крестьянского хозяйства, в результате чего обогащается, наполняется многомерным содержанием понятие «крестьянство». Хронологические и географические

рамки привлекаемых источников не являются жесткими — автор обращается и к грамотам XV в., и к материалам XVIII — начала XX в., к истории других регионов России, к истории Литовского государства, Центральной и Северной Европы, — все это дает дополнительные обоснования для наблюдений ученого.

Анализируемая книга многопланова. В ней можно выделить несколько наиболее важных содержательных линий. Одна из них — анализ правовых аспектов, прежде всего публично- и частноправовых актов, регулировавших права собственности (с. 217–225 и др.), описание форм ренты, региональных особенностей процесса феодализации и крестьянского закрепощения. К числу основных методологических посылок автора относится представление о многомерности исторического процесса, неприемлемости моделирования какого-то одного его абстрактного типа (с. 12–13). Важнейшей темой исследования является анализ классических проблем аграрной истории и крестьяноведения феодальной эпохи: монастырского и крестьянского землевладения и землепользования, динамики численности и социальной стратификации крестьянства, его имущественной и социальной дифференциации, земельно-финансовой политики государства в отношении Церкви, организации внутривотчинного и внутриобщинного налогообложения, соотношения государственной и владельческой эксплуатации крестьянства, крестьянской общины как социального института. Комплексное рассмотрение названных вопросов (каждый из которых сам по себе весьма сложен) до Иванова в науке не предпринималось. Самостоятельное научное значение имеет источниковедческая методика автора.

Автор уточняет имеющиеся в историографии сведения о составе монастырей и монастырских владений в Двинском, Каргопольском, Олонецком и Кольском уездах (с. 67, 119, 131, 165, 542, 544; таблицы 7, 8, 10, 21, 22; карто-схема на с. 543), излагает историю и структуру монастырского землевладения в этом регионе. В таблице 21 представлено размещение монастырей в Поморье в 1-й половине и в конце XVII в. с указанием доли их дворовладения в каждом уезде. Ряд таблиц убедительно показывает рост монастырского земле- и дворовладения в XVI–XVII вв. вопреки правительственным запретам 1551, 1572, 1580, 1584 и 1622 гг. Аргументированным выглядит несогласие Иванова с наблюдением авторов 2-го тома «Истории крестьянства в СССР» о том, что на Русском Севере земли монастырских крестьян были лишь вкраплением среди черносошных земель (с. 169). Иванов проанализировал владения Соловецкого, Крестного Онежского, Антониева Сийского и других монастырей, объем дворовладения которых практически сравнялся с числом дворов, приобретенных здесь монастырями из других районов страны (с. 474). Удельный вес монастырских крестьян в изученном Ивановым регионе к концу XVII в. достиг почти 24% (с. 475), причем основная часть монастырских приобретений была совершена с разрешения государственной власти (с. 344–345 и др.). В монографии детально описан процесс монастырского строительства в Поморье. Исследователь подробно рассмотрел в каждом уезде не только возникновение новых, но и исчезновение некоторых

старых обителей, перевод братии из одних монастырей в другие, приписку одних монастырей к другим, перераспределение между ними земельных и промысловых угодий, соотношение владений местных церковных корпораций (например, холмогорского собора в Двинском уезде) и владений «иногородних» церковных институтов (например, вологодского Спасо-Прилуцкого, новгородского Иоанно-Предтеченского на «Росткине улице», Кирилло-Белозерского, подмосковного Троице-Сергиева монастырей, Патриаршего дома). Интересны наблюдения исследователя о том, что доходность владений зависела не от количества крестьянских дворов, но от степени развития промыслов (с. 110–111). Отсюда напряженные отношения между владельческими корпорациями в богатых промысловых областях Кольского полуострова Умбе и Варзуге, где после Смутного времени благодаря царским пожалованиям усилились позиции московского Новоспасского монастыря и Патриаршего дома. Высказанное в литературе суждение о приписке одних монастырей к другим как способе расширения монастырского землевладения получает в монографии Иванова новое подтверждение (с. 112). О тщательности проведенного исследования свидетельствует то, что в монографии учтены безвотчинные обители Севера, а также долевые монастырские владения.

В исследовании подробно раскрыт продолжавшийся в XVI–XVII вв. процесс монастырской колонизации Поморья. Этот процесс выразился не только в возникновении новых монастырей, но и в появлении в регионе владений духовных корпораций из других уездов Поморья и из Центральной России. Например, к 11 имевшимся к началу XVII в. в Каргопольском уезде монастырям в XVII в. добавились 5, выросло землевладение Александро-Ошевенского и Соловецкого монастырей. Возникший в 1657 г. Крестный Онежский монастырь стал крупным собственником не только в Каргопольском, но и в Вологодском, Московском, Волоцком, Ружском уездах. Так процессы монастырского строительства, колонизации (понимаемой как промысловое и земледельческое освоение новых земель) переплетались с процессами вторичного (и последующего) межфеодалного перераспределения земельной собственности. Столь активный ее оборот — свидетельство, на мой взгляд, зрелости вотчинно-сеньориальных форм светского и духовного землевладения в Московской Руси. Учтено автором и такое осложняющее обстоятельство, как изменение местонахождения некоторых монастырей, например Трифонова Печенгского в Кольской земле (с. 148–149, 164). Хозяйственное освоение этого региона было тесно связано с христианизацией местного населения — лопарей (саами). Социально-экономическая деятельность монастырей здесь становилась важнейшим фактором феодализации этого окраинного региона Русского государства. Определенную специфику общему ходу монастырской колонизации Поморья во 2-й половине XVII в. придало старообрядчество (в Прионежье существовала самая крупная старообрядческая Выговская пустынь). Очевидны усилия автора по наиболее полному использованию источниковой базы. Компенсируя отсутствие несохранившейся переписной книги по Каргопольскому уезду 1678 г., автор использует сводные данные более поздних источников (с. 129).

Важны наблюдения Иванова о значении терминов «крестьяне» и «обыли» в писцовых и переписных книгах, о различном понимании этих терминов в государственных, монастырских и общинных документах, об условности и изменчивости названий других групп сельского населения разных районов Поморья (соседи, подсоседники, порядники, захребетники, казачки и др.), нередко активно формировавшихся духовными корпорациями — землевладельцами (с. 480). О некоторых категориях населения — трудниках, наемных рабочих — автор нашел подробные сведения во внутривотчинном описании Соловецкого монастыря 1668 г. (с. 482). Пристальный интерес к малым социальным группам, тщательный количественный анализ их развития является следствием глубокого проникновения автора в сложную для использования писцово-переписную, внутривотчинную документацию и находится в русле актуального ныне интереса к социальным микроструктурам³. С точки зрения демографического изучения позднефеодальной России именно такой дифференцированный подход является продуктивным шагом вперед после масштабных, обобщенных исследований народонаселения XVII–XIX вв., предпринятых Я. Е. Водарским и В. М. Кабузаном.

В ходе изучения землевладения и землепользования монастырских крестьян Иванов первым выявил и исследовал особенности хозяйственного использования разных категорий земель в составе монастырских владений, в частности, угодий, которые состояли в пользовании монастырских крестьян. Автор предлагает перечень признаков, характеризующих крестьянские права на землю, отмечая, что в условиях длительного воздействия государственных и вотчинных регламентаций многие из этих прав нивелировались, а различия в налогообложении и в правах использования между разными типами земель сглаживались.

На основе комплексного анализа источников Иванов тщательно исследовал один из важнейших вопросов аграрной истории — обеспеченность земель крестьянских хозяйств. Автор отказывается от принятого в науке раздельного рассмотрения надельной и оброчной пашни (с. 287). Он анализирует не отдельные участки владений, а целостные крестьянские хозяйственные комплексы (земледельческо-животноводческо-промысловые, крестьянскую торговлю), раскрывая их многофункциональность (с. 284, 318, 483). Важным и обоснованным представляется вывод автора о том, что тенденция обезземеливания крестьян в XVII в. представляла собой процесс превращения крестьянина — собственника земли в держателя монастырских угодий, при этом реальное землепользование в отличие от тяглых норм, основанных на наследственном владении, обычно возрастало за счет использования крестьянами разных категорий монастырских земель. Ценным представляется наблюдение автора о том, что в условиях феодального владения крестьянские вотчины и частные приобретения превращались, как правило, в тяглые наделы, а вновь освоенные земли — в монастырские оброчные угодья.

С большой степенью подробности в монографии проведено сопоставление податей и повинностей крестьян двух крупнейших монастырей Поморья — Соловецкого и Крестного Онежского. Самостоятельное значение

имеют разыскания Иванова об окладных единицах — он обстоятельно разбирает, что такое сумская обжа, кемский лук, лопский лук, выть (показана неустойчивость в ней количества дворов и душ). Автор выявил номенклатуру окладных и чрезвычайных государственных сборов, владельческих податей и повинностей и проследил их эволюцию в XVII в. Рассмотрены 3 типа налогообложения монастырских крестьян: государственные подати, владельческие и общинные налоги, отмечено, что в каждом из них натуральные (в том числе отработочные) повинности и подати сочетались с денежными. Монастыри нередко практиковали выплату государственных налогов за своих крестьян, взыскивая затем их в увеличенном размере (с. 393–394). В свою очередь крестьяне отдельных волостей в составе монастырских владений могли выполнять монастырскую работу сверх оклада, за это им платили крестьяне других волостей (с. 410).

По мнению Иванова, переход на подворное (как и на подушное в 1-й четверти XVIII в.) налогообложение имел относительное значение, поскольку внутри общины учитывались разные факторы: луки, «головы», размеры имущества, доходы от торговли, «дымы», судовладение и др. (с. 442, таблица 64). В этом заключается отличие Поморья от центра России, где к началу XVIII в. земельные собственники узурпировали права общины по определению производственного потенциала крестьянских хозяйств, общине не было оставлено почти никаких возможностей для неконтролируемого накопления трудовых ресурсов⁴. Считаю, что особенно убедительно автор исследовал внутриобщинное обложение по документации Шуерецкой волости 1660–1690-х гг. Особенно важно раскрытие ученым горизонтальных связей внутри социально неоднородного крестьянского сообщества. Иванов показал, как общинная раскладка тягла давила на беднейшие слои поморской деревни, способствуя их выталкиванию на рынок рабочей силы (с. 463).

Преобладание той или иной формы ренты определялось местными условиями. Иванов собрал богатейший материал о наличии всех 3 форм феодальной ренты в изученных им земельных владениях духовных корпораций, о смешанном рентном статусе монастырских крестьян Поморья в XVII в. В своей налоговой политике монастыри вынуждены были учитывать и рост государственного обложения, и борьбу крестьян за снижение уровня феодальной ренты и за освобождение от крепостной зависимости. Наблюдения о преобладании государственных платежей над владельческими у крестьян Крестного Онежского монастыря в 1670–1690-х гг. (с. 395, 412, 413) находят аналогии в исследованиях других ученых, например в работе Н. А. Горской о монастырях Центральной России. Иванов установил 4-кратное возрастание неокладных сборов с 1657 по 1697 г. Специфической государственной натуральной повинностью была поставка 10-й рыбы семги к государеву столу (иногда даже 5-й или 3-й! — с. 484) и привлечение крестьян к обременительной ямской гоньбе. Ярко характеризует реакцию крестьян на рост тягла материал о социальном протесте крестьян Крестного Онежского монастыря в 1668–1670 гг. (с. 406).

Многомерная картина эволюции земельных отношений в монастырских владениях, представленная в рецензируемой книге, является основой для

углубления подхода к изучению главной проблемы истории русской деревни — истории закрепощения крестьян. Следует отметить мысль автора о возможности проведения аналогий между процессами, протекавшими в рассматриваемое время в Поморье, где большинство населения составляли черносошные крестьяне, с социально-экономическими процессами в центральных районах страны в XV–XVI вв., когда там формировалось монастырское землевладение и еще существовали обширные ареалы черносошных земель.

Несмотря на сложную для исследования и читательского восприятия историко-аграрную тематику, монография Иванова плотно «населена» людьми. Автор ввел в книгу многочисленные данные об именах и фамилиях, династиях деревенских тружеников (тяглых и оброчных крестьян, бобылей), портных, швальков, солеваров, рыбаков, других промысловиков (с. 290–296, 302–307, 466 — примеч. 1–2, 456 — примеч. 1), установил в ряде случаев их годы рождения, возраст, этапы производственной деятельности, поземельные и прочие сделки, круг родственных связей. Считаю, что это наиболее увлекательно написанные части книги, в которых социальная мобильность севернорусского крестьянства уясняется через судьбы конкретных людей. Все эти оживающие на страницах книги портреты людей придают ей качество антропологически ориентированного исследования. Иванов нередко обращается к анализу человеческого сознания, к пониманию различных форм хозяйственной деятельности людьми из разных общественных слоев. Среди описанных в книге людей, которые жили и трудились в Поморье в XVI–XVII вв., первым должен быть назван соловецкий дозорщик конца XVI в. старец Капитон, обладавший хорошим знанием местного рынка и суровых погодных условий края. Ему принадлежат отразившиеся в документах пространные экономико-правовые рассуждения о внутривотчинных связях, о значении «монастырской подмоги» половникам, о влиянии государственной эксплуатации крестьян на доходы монастырей, о роли промыслов и торговли в хозяйстве черносошных и монастырских крестьян, о доходности разного типа хозяйств, о целесообразности разных форм эксплуатации⁵. В книге широко представлены исторические портреты чиновников местной власти и писцов, имевших свое понимание крестьянства и бобыльства, отличное от крестьянских представлений о том же, мирских выборных, считавших совокупный налог с каждого двора (с. 484), крестьян с их «вотчинным» правосознанием, с их критериями богатства, бедности и нищеты.

Иванов в своем исследовании обращает пристальное внимание на природно-климатические условия изучаемого региона, отмечая неурожайные годы, моровые поветрия, вызываемые ими скачки цен на основные продукты питания (с. 308, 387 и др.). Для севера с особенно рискованным характером земледелия, огромной ролью промысловой сферы природообусловленность хозяйственной жизни несомненна. Иванов не принимает выдвинутой в 1980-х гг. Л. В. Миловым концепции происхождения крепостничества в России, выводимого из неблагоприятных природно-климатических условий (добавлю, эта концепция учитывает и ряд других факторов: необходимость для владельца «нейтрализовать» защитные функции крестьянской общины

и ослабить ее, механизм становления полевой барщины, минимальный объем совокупного прибавочного продукта⁶). Полагаю, что позиция Иванова (с. 485) противоречит приводимому им богатейшему материалу, характеризующему поземельный строй севернорусской крестьянской общины, ее противостояние монастырским корпорациям, преобладающую роль неземледельческой сферы в хозяйственной деятельности севернорусских крестьян, стремление Церкви и государства максимально контролировать доходы крестьян в этой сфере (с. 483). Рецензируемая монография несомненно будет широко использоваться при дальнейшем изучении социально-экономической истории Русского Севера, при анализе развития феодализма на севере Европы, его типологии, неравномерности и многомерности процесса феодализации, при исследовании соотношения феодальной и крестьянской собственности, крепостнических и некрепостнических тенденций в аграрном строе позднефеодальной России, при изучении роли общины в разных регионах и странах.

В монографии Иванова привлекает не только глубокое знание автором источников, но и его неподдельный интерес к предмету, умение вникать в мельчайшие детали и передать свой интерес читателю. Думается, что в конце книги был бы необходим словарь хозяйственных, природно-топографических, социальных и прочих терминов, даже если в тексте по ходу изложения объяснения давались. Указатель географических и топографических названий данной проблемы не решает, в такой книге требуется предметно-терминологический указатель. В географическом указателе изученные автором монастыри Поморья (состав их систематизирован по уездам и локализован на карто-схеме на с. 542–544) можно было бы отметить курсивом или звездочкой. Важной частью исследования являются таблицы, дополняющие и конкретизирующие текст. В них, в частности, можно найти данные о множестве «не местных», по выражению автора, монастырей. Например, в таблицах 4, 5 и 7 приведены сведения о дворовладении 18 монастырей, одной церкви и Патриаршего дома по комплексу описаний Двинского уезда 1620-х, 1640-х и 1670-х гг. В таблицах 8 и 10 сосчитаны данные о крестьянах, бобылях, половниках, вкладчиках и солеварях 15 монастырей и пустыней Каргопольского уезда на 1648 г. Вот только «затерявшемуся» среди таблиц ценному графику «Динамика монастырских приобретений в России во второй половине XVI в.» (он показывает синхронность их роста в центре страны и в Поморье) определение «таблица» не соответствует (с. 511). Обращение к таблицам упростилось бы, если бы в оглавлении был приведен их список.

Обширные сноски удобно для читательского восприятия размещены внизу страницы, правда, некоторые сокращения научных изданий в сносках вызывают удивление: «ИК в Европе» и «ИК СССР» (т. е. «История крестьянства в Европе» и «История крестьянства в СССР»); «ЗАРГ второй половины XVI – первой половины XVII в.» («Законодательные акты Русского государства...»). Не вполне удачными представляются некоторые термины, например «кемский всплеск» (с. 342), «торговля недвижимостью» (с. 375), «раскрестьянивание» в значении лишения прав собственности на землю (с. 479; в новейшей литературе закрепилось употребление этого слова применительно

к процессу исчезновения крестьянства как класса в советскую эпоху). Рискну также упрекнуть автора за многословное заключение (12 страниц), содержащее многочисленные количественные выкладки, в то время как читатель хотел бы прочесть в этом разделе основные выводы и изложение позиции автора по главным дискуссионным темам аграрной истории и крестьяноведения — об особенностях общерусского процесса закрепощения крестьян в Поморье, о природе крестьянской собственности на Русском Севере, о генезисе капитализма в России.

Современный историк-аграрник А. Я. Дегтярёв, говоря о многообразии типов вотчинного землевладения в России, сравнивал его с лоскутным одеялом, прошитым крепкими нитями крепостнических отношений⁷. Материал, представленный В. И. Ивановым, вносит новые краски и оттенки в это многоцветие социальной истории Московской Руси.

*М. С. Черкасова, доктор исторических наук
(Вологодский государственный педагогический университет)*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. предшествующую его монографию: *Иванов В. И.* Бухгалтерский учет в России XVI–XVII вв.: Историко-источниковедческое исследование монастырских приходо-расходных книг. СПб., 2005.
- ² *Милов Л. В.* Проблема многомерного анализа параметров крестьянских хозяйств в работах академика И. Д. Ковальченко // *Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе (землевладение, землепользование, производство, менталитет)*. XXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. М., 2000. С. 225–227.
- ³ *Соколова Н. В.* Социальные микроструктуры монастырской деревни в Центральной России конца XVII — первой четверти XVIII века (некоторые источники и методы изучения) // *Северо-Запад в аграрной истории России*. Калининград, 2005. С. 12–14.
- ⁴ *Горская Н. А.* Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2007. С. 280.
- ⁵ *Васильев Ю. С.* Вотчинная дозорная книга («обежная») старца Капитона на владения Соловецкого монастыря в Турчасовском стане Каргопольского уезда // *Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере (до-октябрьский период)*. Вологда, 1985. С. 136–158. Данные этого ценнейшего источника обработаны и обобщены Ивановым в таблицах 57–59.
- ⁶ *Горская Н. А.* Русская феодальная деревня... С. 226–228, 277–278, 288–290.
- ⁷ *Дегтярёв А. Я.* Избранные труды по русской истории. Т. 1. М., 2006. С. 157.